

ВЛАДИМИР ВОЛКОВЕЦ

Земля Тельноку
поэту Татьяне Юркевой
в память о встрече
на советской
земле!

Время
пересыпанное
солнцем

Ан. Волобуш
22.07.21

- Стихи -

г. Советский
2024 г.

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5
В67

Волковец Владимир Михайлович

Литературно-художественное издание

В новую книгу вошли стихи, в основном, написанные за последние пять лет. Поэт остается верен вечным темам любви, сохранения природы, нравственности и веры.

Владимир Волковец родился в п. Чур Удмуртской АССР. Окончил совхоз-техникум в Костромской области в 1972 году и Литературный институт им.

А.М. Горького в 1986 году.

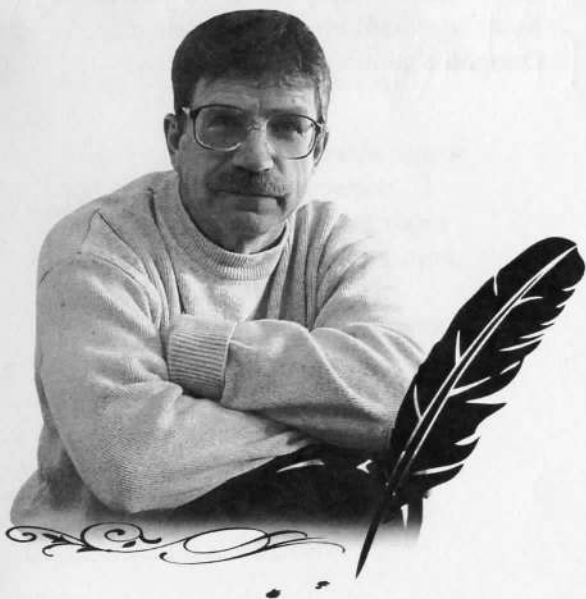
Автор более десятка поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Лауреат литературных премий. Заслуженный деятель культуры ХМАО-Югры.

© Волковец В.М., 2024

© ООО «Печатный мир», оформление и печать

16+

Медовая тяжесть осеннего слова,
Печаль послевкусия и холодок
Его отчужденья от мира живого,
Насквозь твоего. И тебе невдомёк
Кому оно станет птенцом на ладони,
Кому - запеченной картошкой в золе,
Кому со скорбями о горестной доле
Опорой в дороге, свечой на столе.

И холод чист, и холст нетронут.
Как по стеклу разглажен омут.
Всё тише в нашем крае хвойном,
Безропотном, но не спокойном.

Как в забытье, но не в смиренье,
И не в отчаянье - в смятенье
Ждёшь непроглядными ночами
Зимы с метелью за плечами.

Когда ж в безмолвье небывалом
Она обрушит вал за валом,
Заполнит светлым до восторга
Всё от зюйд-веста до норд-оста,

Паришь ни против, ни попутно,
Со снегом связывая чудно
В душе и свет со вдохновеньем,
И благодать с благословеньем.

Пёстрый до кутерьмы
Шорох и шелест в роще
Станет под весом зимы
Старой подмётки плоче.

Нехотя кружится пух,
Словно еще не к спеху
Вьюгами взять на испуг
Нас со всего разбегу.

Катится сон колесом
Тихим, что не заметим,
Как изменились во всём
Мы, полоненные светом.

Зримей становится вес
Произнесённого слова.
Полый вчера ещё лес
Выглядит полным снова.

ВЬЮГА

Толкла бестолковая вьюга
Потёмки и снег по углам.
Я думал, до старого друга
Дойти бы с грехом пополам.

Я шёл через город и верил,
Что скоро, вот-вот, за углом...
И холодом друга обвеял,
А он меня обнял теплом.

СО-ЕДИНЕНИЕ

Не голосом звучным, пленила созвучьем
С горькой студёной моей хрипотцой.
Август до чистых лисичек заучен,
Сонно звенит в паутине осой.

Благоухала рябинным соцветьем,
Гроздью легла в открытую горсть.
Лист золотой издалёка заметен,
Как ожидаемый к празднику гость.

Ярко сверкнула в девичьем созвездье,
Светлым началом осталась в семье.
Где бы мы ни были, держимся вместе,
Как совладельцы любви на земле.

ОЖИДАНИЕ

Прозрачной березы сквозят,
Просеивая раз за разом,
То хлопья, то сечку, то град
На пару с дождём долговязым.
Ещё на неделю, на две ль
Липучую слякоть размажем,
Пока непроглядный апрель
Рассеян - ни нашим, ни вашим.

По черствым обочинам наст
Просел до сыпучего звона.
Распластаны лужи, а над
Кричит потрясённо ворона.
И долбит, и долбит в одно -
Вот дело настырное птичье!
Жди солнца, родная, оно
Поможет оттаять добыче!

Пора перебраться к лесным
От уличных серых пейзажей.
И сердце наполнить родным
И прошлым, и будущим даже.
И в трепете свежей листвы
От почки желаньем разжатой,
Пахнёт простодушьем любви
И памятью всей беспощадной.

Лучами блестяще пострижен
Под ноль ослепительный март.
Он выглядит синим и рыжим
И в меру в нём щебет и карк.

И день равен ночи. И дольку
Сосульки отломит в ответ
На взгляд умиления, поскольку
В наивности умысла нет.

И мне, и синице подсвистнет,
Запустит капель вразной,
На лица веснушками брызнет
И шмыгнет весёлой соплёй,

Сорвётся ручьями по склону
В небесную пропасть реки...
А юным влюблённым по слову
Втихушку раздаст на стихи.

ВМЕСТЕ

Сдержанно жарким и в меру сырым
Будет июль по прогнозам.
Как ни петляем по чащам родным,
А заблудиться не можем.

Вырублен лес был и вырос при нас.
Ходим по памяти между
Пней вековых, по которым сейчас
Судим о хвойнике прежнем.

Тут сыроежка, там – шляпки маслят,
А в полумраке – лисички.
С лужами солнце начнет перегляд,
Слепнем и мы с непривычки.

Вдруг разошлись, не сговариваясь,
Встретимся возле пригорка.
Нам разлучиться какая-то власть
Не позволяет. И только

Слушаем землю, сверяем пути.
Думаем, хватит ли мощи
Нашей земле к небесам вознести
Снова сосновые рощи.

Разорвав рубаху в клочья ледяные,
Ринулась река, глотая снег,
За валежины, не сгнившие донине
Со времён разбойных лесосек.
Устоялась между сосен и листвянок...
И недобрым вспомнив у костра
Посреди бутылок и заржавых банок
Горожан, не помнящих родства
Со своей землёй, куда зарыты будем,
Дабы лесом новым прорасти,
Умоляем, будь земля родная пухом,
А не свалкой? Господи прости...

СПИЧКИ

Я ночью шёл на свет в окне.
Густела тьма ненастно.
Сквозь лес светилось вдалеке
Окно и вдруг погасло.

Нагрёб сучков, травы сухой,
Да вырвал три странички...
И заплясал огонь живой,
К тому же, с первой спички.

Мы в этом мире все в пути.
Кто раньше, кто позднее,
Дойдём до роковой черты
В раздумье, что за нею?

И даже я, признав тщету
Исканий, схожих с бредом,
К черте однажды подойду
Меж тем и этим светом.

Поскольку неизбежен путь
И тёмн, по привычке
Себе напомню, не забудь,
В карман положить спички.

ОТТЕПЕЛЬ

Оттепель приходит в черно-белом,
Месит небо серое со льдом,
Тополя обводит на ночь мелом,
Каплями обвешивает днём.

Дождь ещё не виден и не слышен,
Мельче манной мороси висит.
Если честно, неуместен слишком
Посреди зимы её визит.

В стужу жарче рюмка для сугрева,
На рябинах ярче снегири.
В оттепель всплывают из сугроба
Донышками кверху - «пузыри».

Чаще пол-литрового объёма
В праздники, а гуще после них.
Хорошо бы снова пункт приёма
Стеклотары в городе возник.

Чтобы стало меньше вполовину
Свалок на таёжных берегах...
Очередь бренчала б к магазину
И не прерывалась бы в веках!

ОСТРОВ

Остров посреди болота шапкой
Возвышался, хлюпая к нему
По тропе оленьей зыбко-шаткой,
Увязал меж кочек и во мху.
Попадалась клюквенная россыпь
Да орешки заячьи порой.
А с березок карликовых осень
Сыпала копеечной листвой.

Сохранился в заповедной стати
Собранный на острове сосняк.
До него добраться наши хваты -
Дровосеки не смогли никак.
В глубине заветного массива
Свято, сокровенно и легко,
Что словами трудно выразимо,
Благодатью на сердце легло.

Как бы ни меняло землю время,
В памяти, настроенной на свет,
Помолчав со мной, поют деревья,
Как родные, долго смотрят вслед...
И увижу с восхищеньем давним,
Возвращаясь по своим следам,
Остров на закате златоглавым,
Вознесённым к самым облакам.

РЕЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Речка таёжная скрытна.
Если встречается омут,
Флейта её, и скрипка
Заблаговременно молкнут,
Чтобы вокруг оглядеться,
Плечи вольней расправить,
Что-то согреть у сердца,
Что-то забрать на память.
Боком пройдясь, воронку
Лёгкой юлой запустит.
Шишкой сосна вдогонку
Сверху в неё запустит.
Шумно плеснётся щучка,
Из полумглы кубышек
Будет поглядывать чутко,
Где пескарей излишек...
Резво свернет за вербой,
Рябью с листвою играя,
Скрипкой маня и флейтой
Снова до синего края.

Сгущается рябинный воздух,
Горчит объёмно за окном.
И свет, и отсвет, звук и отзвук
Теряются и глохнут в нём.

Найдем, ощупью, спросонья
Тянусь к прозрениям, избежав
Изысканного пустословья
Друзей, хватавших за рукав.

Прислушиваясь к перещёлку
И пересвисту, не найду
Хотя бы щель, хотя бы щёлку
В живое празднество в саду.

И думаю, за певчей страстью,
Её всезвучьем по весне
Стоит неслыханное счастье
Совсем неведомое мне.

СУШЬ

Деревья шумят, веками
Их разделяет река.
А падают, будто швами
Стягивают берега.

Печёт две недели кряду.
Увидев блесну свою,
На выглянувшую корягу
Перебегу по стволу.

И даже в угрюмых самых
Омутах тина и слизь -
Ни водяных, ни русалок.
И черти перевелись.

Встречаться нам перестали
И потому, может быть,
Что мы заповедные тайны
Плохо умели хранить.

РАДУГА

Александрю Игумнову

Дождевая с солнечною вязью
Совпадая, выткут на глазах
Радугу тебе - ворота к счастью,
Не войти в которые никак.

Миражами сытые по горло
Добываем хлеб своим горбом.
И малина сыплется покорно
В горстку и в посудину потом.

Из земли выталкивая клубни,
Урожаем бредит огород.
Верили, что праздниками будни
Станут, но пока наоборот.

Август плодоносен и отмечен
Редкими набегами дождей.
И живица из сосновых трещин
Вытекла пахуче и длинней.

Ослепит Конда язёвым плёсом,
И прогноз на жизнь мою неплох.
Отложу на солнечную осень
Заготовки на зиму и впрок.

Вытянулся скрученный из ваты
Над озерной впадиной дымок,
Я не помнил, но не забывал ты,
Нами не проезженных дорог,

Что вели бывало к щедрым самым
И грибным, и ягодным местам.
А бежать за радугой не станем,
Пусть сама приходит чаще к нам.

ОБНОВА

Старенькая кофта на плечах обвяла,
Истончилась в буднях до светла.
Матушка к вещам настолько привыкала,
Что не вдруг обнову приняла.

Перекладывала кофту в гардеробе,
Примеряла, вешала опять.
Новая одежда для неё навроде
Новой жизни - трудно начинать.

-Мама, до чего ты в ней неотразима! -
Дочь подарок хвалит неспеша,
Чтобы вместе с ароматом магазина
Робость непонятная прошла.

Раз примерит, на другой - уже оденет,
А на третий - выплывет за дверь.
Может не заметят бабы, а заметят,
Что же, привыкают пусть теперь.

Потому что в независтливом селенье
С Храмом и гусями на пруду,
Где привычен всяк при доме и при деле,
Каждая обнова на виду.

ИЗБА

Всё замшело, прогнило, иструхло,
От чего в городах поотвык.
Лиственничный порог полукругло
Стёрт на четверть колец годовых.
Помнишь время труда и застолий
С болью, что затянулась давно...
Эхо изредка с отблеском молний
Пропорхнет через двери в окно.

На крыльце, где снимался на фото,
Вылезли конопушки гвоздей...
Твой коттедж по сегодняшней моде
Бастион по сравнению с ней.
Он завис над забором бок о бок
С одуванчиковой тишиной
Вдалеке от кирпичных коробок,
Вдалеке от России самой.

Ты скупал, то иконки, то книжки,
То комод, то помещичьий шкаф...
Собирал на развалах парижских
Чью-то память, свою растеряв.
Создавал по осколкам имперства
Своё ветхое древо судьбы...
А на снимке колхозное детство
Хохотало с коленок избы.

ТЕНИ

Гостей проводили и смолкло
Село. И погас телеящик.
Тень гостя нетрезвого долго
Еще оставалась меж наших.

По лужам, горящим закатно,
Придвинулся лес полутёмно.
И стало не только прохладно,
А даже довольно студёно.

Под утро расвищет навывлет
Листву по мрачнейшей стыни.
И звёздами небо засыплет,
А инеем – тени пустые.

СТАРИК У БОЛЬНИЧНОГО ОКНА

По птичьи заостренное лицо
Подсвечено седой щетиной.
Глаза на нем казались нарисо-
ванными сливами сквозь иней.
Так матово прозрачна худоба,
Что в синевато робких рёбрах
Виднелась огорода городьба
И дерева туманный образ.

А стоит с ним заговорить, тебе
Он отзовётся вдохновенным
Волненьем о поставленной избе
Ещё в году послевоенном,
Как со вдовой-соседкою сошлись
И детушек растили, на распутье
Село стояло - голод или жизнь...
И ничего о Сталине и культе.

И о Хрущёве тоже ничего.
И ничего о Брежневе и прочих.
В нем трепетало веры торжество
И откровений пережитых очерк,
В котором горьковатые слова
О ломовой работе землепашца
И агронома, да и плотника едва
ли можно высосать из пальца.

И видно по всему не лыком шит,
То горячится, не меняя тона,

А то валяет ваньку и язвит
Над всеми указявками парткома...
И долго не уснуть тебе в ночи,
И он не остановится, конечно.
Но если отвернуться: замолчи!
Он замолчит.

Боюсь, уже навечно.

В безлистую пору предзимья
Бывают минуты, когда
Стоит в душе невыразимо
Томительная немота.

Забылись невзгоды былые
И радостям счет обнулён.
По лужам и хрусту полыни
Куда-то тащусь напролом.

Живой - не живой ли, не знаю.
Господь, точно ведая путь
Над бездной, подвел меня к краю.
И дал мне в неё заглянуть.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда разгрёб крыльцо от снега,
Запор легко сорвал с петли,
Часы, стоявшие полвека
На подоконнике, пошли.

Не пеньем встретили, но всё же
Впервые был услышать рад,
Как половицы с лёгкой дрожью
Вдруг заскрипели невпопад.

И вытер пыль с фотоальбома,
Где мать с отцом и брат с сестрой.
Печь затопил, запахло в доме
Уютом давним и весной.

В шкафу отозвалась посуда,
Как только лампочка зажглась.
Явилась мышь невесть откуда
Со вздохом бабьим: дождалась.

И посветлели окна, тёплым
Дохнула печь по всем углам.
И струйки потекли по стёклам.
А с ними прослезился сам.

Черёмуховый сумрак пенист,
Вываливается из оград.
Читаю клинопись поленниц
И за сельчан привычно рад.

Рад малышне в резных хоромах,
Бурёнке вечной на пути.
А всё ж своим среди знакомых
Себя не чувствую почти.

Тут без меня под небо вынес
Храм купола и дивный звон,
Тут без меня упрямым вырос,
Посаженный когда-то клён.

Пляшет осень в городе,
Вьются листья до неба.
Прячет в рыжем ворохе
Все грехи-колдобины.
Нас ли осень выбрала
Или всем без разницы
Вдосталь света выдала
Для блаженной радости.

На безлюдной станции
Не заметим попросту
Грусти, что потянется
Вслед чужому поезду.
По лоскутной россыпи
Бродим и не верим мы,
Дни у нашей осени
Скоро станут серыми.

Зародыши яблоч незряче
Набухли в листве, о себе
Заявят весомей и ярче,
Наверно, уже в сентябре.
Вовсю осветив подоконник,
Подсолнух глядит на меня,
Как я изучаю спросонок
В углу шерстяного шмеля,
И толстую книгу листаю
На пару с учёным котом
И то, что едва понимаю,
Я с ним обсуждаю потом.
Во всём ощутимо участие
Живого в земном, потому
Моё состоянье сейчасья
Понятно родному всему.

ЛИВЕНЬ

Затаренный на полчаса, не боле,
Отборным, потому и тороплив,
Перекатился ливень через поле,
Траву пригнув и листья перерыв.
И прямиком,

не поворачивая влево

За редкий березняк, за переезд,
Где поезд промахнулся ошалело,
Рванув на всех парах наперерез.

Меня задело краем проливного
И дробью с придорожного куста.
И радуга раскрыла над елово-
Ольховым лесом все свои цвета.

Переезжай, зовут, в многоэтажье
Приятели, поддерживай родство
Со стороны да издали с пейзажем
С балкона да с экрана своего.

Да, можно познавать и телеоком
Земную жизнь, с дивана не сходя,
Но ливень, созерцаемый из окон,
Всё ж будет телеверсией дождя.

ЗА ГАРАЖАМИ

На задворках города и детства
От разумных взрослых втихаря
Мы собрать летательное нечто
Взялись из подсобного старья.
Крылья из фанерки, а из бочки -
Главный обтекаемый каркас.
Верили, что до Венеры точно
Доберётся кто-нибудь из нас.
Где вы, гайки, радуги, пружины,
Проволоки ржавые мотки?..
Тут доньше ощутимо живы
Тайные мальчишечьи мечты.
Как давно за гаражами не был -
Лом и хлам, сам чёрт не разберёт!
Но глаза поднял – всё то же небо
И душа готовая в полёт.

ПЕРЕД МОРОЗОМ

По берегам сугробы козырьком.
А рыбаки на омутах случайны.
Их лунки фокусируют ночами
Луну увеличительным стеклом.

Торопимся в домашнее тепло,
Где на печи наваристо томится
Кусок свинины в щах...

и закатиться

К любимой под горячее крыло.

В сугробы город тяжело просел,
Не разглядят из своего далёка
Ни Господа всевидящее око,
Ни натовского спутника прицел.

ПРИПОЛЯРНОЕ

На дыпочки привстав, и подбородком
Опёршись на небритые холмы,
Большое солнце брызнуло в холодном
И чистом небе под конец зимы.

Торжественно - восторженное буйство
Тепла и жизни, света и весны
Сползало, как подкрадывалось будто
К нам с противоположной стороны.

Всё оживало в озаренной котловине
Где после тридцати недель почти
Полярной тьмы, так трепетно впервые
Новорожденных к солнцу поднести.

КРАСОТА

Из путаницы серых веток
Просеивалось наугад
Сухое мельтешенье света
Похожее на снегопад.

Радужней выяснило стужей
И радужнее лунный лик.
И у тебя, ко мне идущей,
Сиял морозно воротник.

А на пути не мрак отвесный
С сумятицею ветровой -
Рассеивался сор словесный,
Навязываемый молвой.

Ты не из писанных красавиц,
Что, рассекая город наш,
Пронесят, сердца не касаясь,
На лицах модный макияж.

Всё понимала и смеялась
Над завистью и суетой,
Преображаясь, оставалась
И в кухонной тщете святой.

АУ-У-УХ!

Осень в доме дождями зажатом
Мне запомнится наверняка
Немотой; мне её, шаг за шагом
Обступив, посулила тайга.

По дождю и двору с угла в угол
Наброжусь ни с того ни с сего.
Кто-то в сумерках долго аукал,
Пробежался вокруг – никого.

Филин с филином ухал, а после
Шишка ухнула в мох... И к утру
Мне пытаться самого себя больше
Немотой своей невмоготу.

Как буйно поднялся бурьян
На месте снесенного дома,
Репейник, крапива, тимьян
И много чего еще кроме.
Вьюнка устремленная вязь
Всё ищет недавние стены.
И чувствуешь некую связь
Названий забытых растений
С звучаньем знакомых имён
Андрея, Бориса, Сергея...
И стебли находишь потом
Пырея, аниса, кипрея...
Бывал в этом доме в гостях,
Случалось, и пили, и пели,
Не зная, что всякий пустяк
Исполнен значенья и цели.

От листьев перетёртых
Подошвами в табак
Слегка горчит дорога.
И со вчера на стёклах
Не высохнет никак
Зябь с северо-востока.

Прозрачен лес, засыпан,
Не затеряться в нём
По прихоти бродяжьей.
А по небесным зыбям
Клубится мрак с дождём
И мокрым снегом даже.

Сторонишься безлюдья,
А держишься с людьми
Определённо лишним,
Не путь, а перепутья
В превратностях любви
Явив перед Всевышним.

И в темени предзимней
Осознаёшь подчас
Себя совсем бездомным
С тоской необъяснимой
И небом на плечах
Тревожным и огромным.

Но в мире человеческом
Всё позабудешь вдруг -

Обман, враньё, проклятья -
Лишь выбежит навстречу
Твой светлый ангел - внук
И бросится в объятия.

ДРУГОЙ БЕРЕГ

И снег становится весомым,
Слипающимся в кулаке.
И солнечно располосован
Молочный сумрак в сосняке.

На омутах в созвездье лунок
Кочуют рыбаки со всей
Поклажей удочек, придумок,
Приманок, банок и червей.

Еще метель проблем намелет.
Но всё равно к реке влечёт
Возможность перейти на берег,
На прежде недоступный, тот.

А перейдя, взглянуть на этот -
С костром, сосною грядой
И тысячью родных заметин -
Из жизни будто бы другой.

Сёстры-погодки Тамара и Аня,
Тётка и мама моя – за столом
То засмеются, меня вспоминая
Неслухом вшивым, то плачут тайком.

Ну, расскажите о том, что не помню!
Ну, поделитесь далёкой бедой!
Дайте попробовать памяти с болью,
Хлеба того пополам с лебедой!

Но отмахнётся от просьб моих тётка,
Мать отведёт озабоченный взгляд...
Глупый свидетель забытого, только
Грустно молчу да смеюсь невпопад.

Слово вполслуха да ласка вполсилы –
Слёзы покажут да спрячут глаза.
Всё-то стараются, будто забыли
То, что никак забывать им нельзя.

Погруженье в сон и пробужденье.
В феврале на цыпочках совсем
Прошлогодний иней на антенне
Солнце подрумянивает в семь.

И с ленцой, но светит подобрее.
И смелей, но чуть настороже
Из сосновой шапки на пригреве
Ледяной сосок торчит уже.

Ветра южно-смутного порывы
Не сулят погоды, посмотри,
Как клубятся облачные гривы,
Вьюгами набитые внутри.

Через миг и чёрт не разберётся
В перехлёстах стужи и огня.
И трепещет на стволах берёста,
И с прищепок рвётся простыня.

Волчьи тучи вытянулись в небе.
Но уже с боязнью перегнуть,
Просквозила в нарочитом гнев
Простодушной оттепели глубь.

СЧАСТЬЕ

Оттепель развешала сосульки.
И девчонка с вишней на губе,
Прочастила каблучками гулко
По хрустящей серой скорлупе.

Как она распахнуто глазаста.
Окна ей привычнее трюмо.
Если есть определенье счастья,
То она вот это вот само!

На секунду отвернулся только,
Каркнула судьба над головой
И такси дохнуло в душу горько
Неуютной смесью выхлопной.

Счастье укатило - проворонил.
По каким её по голосам
На углу узнать, на повороте ль,
Посреди гостей ли, горожан

Юных, полных удали и света?
Нам весной всё прежнее мало -
Подавай неведомое! Где ты,
Счастье безрассудное моё!

ПЛЕМЯННИКИ

Пельмени лепят, мусолят песню.
Кто похитрей, с весёлым куражом
Стаканом по раскатанному тесту
Печатает кругляш за кругляшом.

Испачканы снаружи и с изнанки,
Выкладывают на фанерке в ряд
Пельмени, что похожи на панамки
И на самих голышек-малышат.

Считают их поротно и на марше.
Потом теряют счет - где у кого?
Суют тайком на счастье вместо фарша
То пуговку, то рубль, то ничего.

Все шутки перетёрты, все истории
Разжёваны, хоть снова начинай
О снах и приключениях, которые
Придумками по ходу начиняй...

Слипаются глаза. И полукружьем
Завалятся на раскладной диван.
-Долепим завтра, тётушка, и ужин
Откладывай до завтрава давай!

ХЛЕБ

Мороз в тулупе наизнанку
Сердито шурился, пока
Я нёс горячую буханку
За пазухою, как щенка.

День становился всё синее.
А с ветром режущим, была
Зима сильна, а я сильнее
Пшеничной радостью тепла.

Да разве думал я об этом
В голодном детстве золотом.
Трещал мороз, но пахло хлебом,
А значит солнцем и добром.

ДОРОЖНАЯ СУМКА

На вашей сумке модной,
Попутчице разлук,
Одних блестящих молний
Я насчитал семь штук.

А сколько пазух тайных
Внутри и по бокам,
А сколько в тех карманах
Неведомого нам?

Закончен отпуск летний.
И наконец она
Грузна от впечатлений
На стол водружена.

Вокруг неё столпимся -
Ну, что же, что же там? -
Дичась от любопытства
И предвкушенья тайн.

ПОПУТЧИЦА

Поднялись и вышли мы, когда,
Собираясь к водке, от окна
Шумные попутчики в купе,
Мягко меня сдвинули к тебе.

Сигарету в тамбуре молчком
Протянула, поднесла с щелчком
Зажигалку. Лязг да перестук.
Не до горьких откровений тут.

Остановка, помню, через час.
Ты мой профиль, я тебя в анфас
Изучаем, курим и молчим.
Для вопросов тысяча причин.

В ломких жестах томная тоска.
Промокнёшь слезу исподтишка.
И красноречивей резких фраз
Отрешенье притенённых глаз.

Но пока слова к судьбе искал,
Подоспел спасительный вокзал.
Я к метро метнулся, ты - к такси.
И не верь, не бойся, не проси.

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Эта девушка с модной причёской
Мне напомнила вдалеке
Однокурсницу с вечной зачёткой
Или умною книжкой в руке.

И уже, приближаясь по следу,
Узнавая приметный наклон
Головы, сразу вспомнил коллегу,
Был в нее безответно влюблён.

А когда подошел очень близко
К одинокой под липой скамье,
Улыбнулась с такой материнской
Теплотой эта женщина мне.

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Один из миллиона третьих лишних
Замкнулся ты в пытливости своей
На вере, провидениях всевышних,
И божьих упованьях на людей.

Когда врасплох тебя застанет оклик,
И ты соображаешь, что да как,
Я разгляжу преображённый облик
И скобки от усмешек на щеках.

Живёшь-бредёшь и неуёмно ищешь -
Себя ли в небе, Бога на земле?..
А со свечой в неубранном жилище
Бутылка водки тает на столе.

ПЕРВОЛЕТЬЕ

Дождь потоптался в дверях
И в гостиной
Горько запахло цветущей рябиной,
Рыжим песком,
Перемешанным с торфом,
Старым железом...
С ребячьим восторгом
Ждал и дождался дождя, из тетрадей
Вытряхнул мусор лирический ради
Свежих идей,
Перемен, впечатлений...
Где ты, надежда, дороги весенней!

Зелень вокруг разрослась и сомкнулась
Над полумраком зауженных улиц.
Бредит и бродит душа перволетьем,
Ищет слова,
Наполняется светом,
Памятью близких,
Любовью немногих,
Верой в людей на избитых порогах...
Жизнь между делом
И делим, и множим
И, потеряв всё,
Быть счастливы можем.

Лето начинается со снега -
Промельками в тучах кочевых,
Крошечком с черёмухи соседа,
Пухом с одуванчиков моих.
Лук пучком, завёрнута капуста
И морковь со свёклою в поре...
Солнце любопытней карапуза
Лезет во все щели во дворе,
Укоряет лиственную вялость,
Осыпает зайчиками тьму,
Разом столбенеет, удивляясь
Отраженью в луже своему.

В июле надломлены кончики
Осоковых лезвий и мне
С откоса слышней колокольчики
В кузнечиковой трескотне.

Я так увлечён был поклёвками,
Что поздно заметил вблизи,
Как ивы встречают с поклонами
Пришествие бодрой грозы.

Но ветер сменился и с грохотом
Гроза развернулась легко.
И только колодезным холодом
Упруго толкнула в лицо.

Сверкнула ветвистая молния,
Горохом тряхнув в погремке.
И капля случайная, вольная
Ударилась вскользь по щеке.

А я-то настроился внутренне
На мрак, перехлест проливной,
На ужас и страх, и под утро на
Восторг исцелительный свой.

БЕЛАЯ МАЛИНА

Переопылилась вдруг малина,
Снова стала красной, а была
За величину свою сравнима
С вязаной шапочкой, бела.

Пробовали ягоды сельчане,
Нюхали и брали на развод.
- Не особо, - пожимал плечами
Старый огородник Ферапонт -

И на вкус, и по духмяной силе
Уступает нашенской красе...
Съели, посудили и забыли.
Вот и стала ягода как все.

КАПЛЯ

От ливней слепых и обильных,
Отпущенных августом сверх,
Стрекозы разносят на крыльях
Серебряный шелест и сверк.

Наш хвойник беспечно опутан
Блистаньем паучьих снастей,
Из чащи подталкивал к людям
Излишки маслят и груздей.

Но мы набродились, и как бы
Скучая, глядим в небосвод.
Там с веток срываются капли.
А я подставляю им рот.

Сверкнёт где-то в небе особа,
Летит, превращается в гвоздь.
Ударится в знойное нёбо,
Разбрызнется в сочную гроздь.

БУРЕЛОМ

На пути простёрся бурелом,
Вывернуты ветром корневища
И торчат из мшаника ребром
Высотой с чум, а то и выше.

Сколоты, расщеплены стволы,
Хрупают сучки под сапогами.
Хвойные иголки невдали
Сложены в копёшку муравьями.

Зацепился брюками, с бревна
Рухнул и зашиб колено дико,
Расцарапал шею... Ох, красна
И крупна у губ моих брусника!

Тут же умудрился сапогом
Зачерпнуть из ямины водицы...
А к избе через болото напрямиком
Километра два ещё тащиться.

Отдохну на вывернутом пне
В лапах безымянного уродца,
Жизнью, избалованному мне,
Дорожить, когда ещё придётся.

НА ОМУТЕ

Река за сосной кривобокой
Замедлится мало-помалу
И омут возникнет с осокой,
С кувшинками и корягой,
И щукой, и зеленью всякой
По береговому овалу.

На окуня снасти настрою.
Но лезут ерши то и дело.
И цедится морось, и хвою
На воду кроша незаметно,
Сосна кривобокая, бледно-
Червлёная хрипло запела.

А там, за болотом, качалки
И нефтепровод. И весной
Случается, ёлки-моталки,
Ерши пахнут нефтью и пятна
Чернеют в снегах неопратно,
Размытые талой водою.

Цена подскочила за баррель.
И наши магнаты с наваром,
Их ждут Куршавель и Канары.
А нас – Умытья или Ендырь.
Но только куда ни поедем,
Повсюду качалок навалом.

Довольно об этом. Подсохли
И светятся травы погоже
С оттенками грусти и охры,
И солнцем медово сочатся.
И мне не хватает для счастья
Поклёвки... ещё раз...о, Боже!

Сорвался! Такой окунице!
Досадно. Теплом паутинным
Пахнуло откуда-то свыше
Из просини над перелеском.
И ляжет на сердце довеском
К отрадам ольхово-рябинным

Моя благодать-благодарность
За всё, что в душе отстоялось,
Не мучит, не злит, а восторгом
Врачует да яркой брусникой,
Да клёвом и думой над книгой,
Да чем - сам не ведаю толком...

Тяжки гроздь на рябине,
А под ней - сырая темь.
От косых дождей грибные
Шляпы сбиты набекрень.
Что ни лес - воспоминанье,
Погруженье с головой
В перешептыванье втайне
От попутчицы с листвою.

Та же глянет с укоризной
На рассеянность мою,
Мол, её с пустой корзиной
Домочадцы засмеют.
Свиристыят, на юг готовясь,
Трясогузки. Их с ветвей
Подхватив, развеет поезд
Вместе с горечью моей.

Где седой паук с котомкой
Ищет на зиму приют,
Озарил махровой кромкой
Груздь из-подо мха. И тут,
Мы внаклонку и вприсядку
Наберем до ободка
Белых-белых,
 к шляпе шляпку
С горькой каплей молока.

Свет проточен в зеркалах.
Из окна в окно по лету
Проплывая, пух впотьмах
Липнет с мухами на ленту.
Вместе с жаром луговым
Дышим луком и укропом.
И стоит вчерашний дым
Сигарет в углу укромном,

Где запальчивый сосед
Полагал, что огорошит
Выпадом: коль смерти нет,
То и жизни быть не может...
Кто бы стал бы возражать.
Я ж сказал без укоризны:
Смерти нам не избежать,
А пока живём, то жизни.

Но сегодня в тех словах
Что-то мучает досадно.
Свет клубится в зеркалах,
Лезет пух куда не надо,
Вербы лиственный объём
Закипает одержимо...
Надо верить, что живем
Есть пока чего во имя.

ОГОРОДНОЕ

Огурцы в теплице от хозяйки
То и дело прячутся уже,
И паук в отшельничьей утайке
Держит свою сеть настороже.

В бородавках жилистые корни
Помидорной грядки и крупна
Над махровой зеленью моркови
Свёклы кровеносная ботва.

Волнами накатывает вязкий
Знойно земляничный аромат
С примесью фиалки и ромашки
С пчёлами и бабочками над.

Бродят грозы около да возле,
Не решатся, как ни умолай,
Заступить по чьей-то адской воле,
За черту какую-то, за край.

Зноем одурманена и дремой,
Рухнула дворняга в травостой,
Чуть успел из-под неё огромный
Выстрелить кузнечик сам собой.

Август ржавеет с изнанки.
После грибного дождя
Шарюсь по чашам, поганки
Возле груздей обходя.

В лужах глубокий и привычен
Лета безоблачный сон
Хвойной трухой заресничен,
Жёлтым листом осенён.

В кронах присутствие неба
Множится и сознаю,
Я перед ним, где бы не был,
Где бы ни встал, на краю.

Сыро в октябре и без дождей,
Грустно и без повода какого.
Только проводил своих гостей,
Заржавела на дверях подкова.

Белыми грибами на большом
Противне сухая осень пахла,
По утрам вылавливал ковшом
Лёд из оцинкованного бака.

Наглухо запахнутый в туман
Город просыпается наощупь.
Там – вокзал толкается, а там,
Елями обставленная, площадь.

Днём уже прозрачным, налегке
Не пройти, не замирая, мимо
Пустоты в сквозном березняке
Как нигде на свете ощутимой,

Будто за ночь расселили дом
И снесли, сравняли без остатка,
Или сердце ныло-ныло, а потом
Без таблетки перестало как-то.

УГОЛ

Сколько живу - я живу на углу,
На перекрестке в начале
Улицы, что удлиняется в глубь
Города вплоть до вокзала.
Тычутся в угол машины и псы
Лапу задрать не преминут,
Часто за угол заходят бомжи,
Водку с селёдкой вынуть.
Я и забором себя окружал,
Кышкал, грозил голодовкой...
Только глава городской приказал:
Ставь во главу угла, Вовка,
Совесть и долг, а не эту игру
В честь и права, и так дале...
Вот и живу с той поры на углу,
И до сих пор без медали.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Лес уравновешенно недвижим,
Комковатой кутерьмой навис.
Изредка из хвои глянет рыжим
Лисьим ухом пересохлый лист.

Снег с небес упал наполовину,
Остальной ещё завис в лесу.
Стоит кистью шевельнуть рябине,
Закружат вьюжинки на весу.

Чем смурнее ночи и прогорше,
Тем охотней тает снег в горсти,
Растекаясь по моей пригоршне
Озерком, где солнце посреди.

Апрель, как призрачно и блёкло
В линялой прелести твоей.
В холодной луже, как в бинокле,
Поймаю поздний клин гусей.

Их клики радостны, но горек
Взгляд долгожителей окрест -
Теснят кварталы новостроек
Оставленный потомкам лес.

Давно по старым лесосекам,
Что заросли молодняком,
Разбросанное в прошлом веке
Добро, сдано в металлолом.

И жизнь не терпит проволочки.
Хотя заметишь невпопад,
На соснах шрамы химподсочки
До сей поры кровоточат...

Уйдёшь, а зелень муравейно
Просеется в твоих следах.
И это так обыкновенно,
И необыкновенно так.

С АНГЕЛОМ

Снег под скорлупою супесчан.
Шаг с тропы, а под ногою пусто.
Вымерзают лужи по ночам
До сухого стрельчатого хруста.

Солнце из-за ельника вразлёт.
В небесах бездонье от промоин.
Если в чем-то мне не повезет,
Нынче огорчаться не настроен.

И не потому, что март подсох,
Воробьи шалеют на пригреве,
На цепи соседский пустобрёх
Выглядит услужливо добрее.

На моих плечах ликует внук,
Радуясь и лужам, и синицам.
Потому нельзя мне даже вдруг
Поскользнуться или оступиться.

Пусть тесна дорога и крива,
Но зато легка моя тревога -
За плечами светлые крыла
Ангела распахнуты широко.

Резаная, комканая зелень
На деревьях собрана в пучки.
Стала от дождя седою темень
И одушевленную почти.

От вкривую смазанной дороги
Грязи земляничный аромат.
В перелеске шёпоты и вздохи,
Переступ и капель перегляд.

Щебет издалёка вспоминаясь,
То отчетлив, то едва-едва
Слышен, то и дело запинаясь
О давно привычные слова.

Ослепит открытая страница
И забуду, с чем вернулся в дом.
За окном щебечет та же птица
Повторяет то же об одном.

Обступают холодно и чуждо
Сумерки, бывшее бередя...
И круги сливаются кольчужно
На воде от мелкого дождя.

ПОРТРЕТ

Меня рисовали по белому синим,
По синему красным, и чуть золотым.
Меня воспитали весёлым и сильным,
Как тысячи тысяч, но чуть не таким.

А все потому, что среди моих теток
И дядек, умевших на людях блеснуть,
Был всяк в рассуждениях честен и чётко.
И только один с бесшабашинкой чуть.

Родня как-то рано ушла друг за другом.
И я в окруженье внезапных пустот
Стал тихо лиять и сереть с перепуга
И выцвел совсем бы, когда бы не тот...

Он рюмку налив, бросил доброе слово
И для баловства папироску размял...
И я позабыл всё, что помнил толково,
А что не забыл, то запомнил.

И нас по каким-то притонам носило,
По девкам и дракам в запойных углях...
И в теле иссякла надёжная сила,
Растаял румянец на пухлых щеках.

Зато появилась суровая нежность
К собакам и детям, затишьям реки,
Где душу врачует родная безбрежность,
Смывает дождями тоску и грехи.

А внучка меня со старанием упорным
В альбоме рисует огрызком простым -
По черному белым, по белому черным,
Да по серебристому чуть золотым...

Между снегом и дождём,
Что себе же параллелен,
Строгий март перерождён,
Стал до времени апрелем.

Сыро, пасмурно, тепло.
Солнце в тучах паутинных
Просто грустное пятно
С дореформенный полтинник.

На пригреве как-то вдруг
Почва выпучилась глыбой,
Лес ожил, запахло липой,
Объявился старый друг...
Ну и день, займи, но выпей!

Сразу вспомнишь о гульбе,
Проще станешь с недосуга.
И потянутся к тебе
Журавли и гуси с юга.

Зима изношена, а солнце
Добавит ветхости сукну,
Куда капли злей и звонче
Долбят одно по одному.

По срезу наледи, по сколу
Зимы послойно пролистай
Подшивку памяти, поскольку
Она хранит немало тайн...

Но отвергая зимний опыт,
Весна, покоя не суля,
Не запасает впрок, не копит,
А начинает жить с нуля!

От зимы еще остались кое-где
Островки сугробные с подвохом -
Ступишь и обвалишься со вздохом,
И барахтаешься в мокрой пустоте.

Под локтями осыпается крупа,
За ольху спасительно хватаюсь...
Выползаю, больше не пытаюсь
Прыгать в неизвестное сглуба.

А потом, когда все страсти позади,
Проживаешь внове раз за разом
Бездну под ногами и со страхом
Лёгкость безвоздушную в груди.

ЗАТЯНУТЫЙ МАРШРУТ

И хотя обильней и добрей
Солнце воссияло, грязь подсохла,
Обветшалым выглядит апрель
Сквозь стакан березового сока.
По хрустяще прелому пласту
Сыпнул дождь с молочной крупой.
И подводим мысленно черту
Долгим холодам без перебою.

Шебуршим да хворостом хрустим.
Ах, костёр бы! - но забыли спички.
Без причины в небо погрустим
Или посмеемся по привычке.
Снова дождь стремительно навис -
Светлый плач над памятью живою.
И поставим мысленно дефис
Меж слезой и каплей дождевою.

И замкнем затянутый маршрут
У привычной с остановкой лужи...
Твой автобус, кстати, тут как тут,
И слова прощанья тоже тут же.
Круг замкнулся, разомкнулось всё,
Разрешилось волею желанной.
И примерю мысленно кольцо
С правого на левый безымянный.

ПЕРЕКРЕСТОК

В сумрачно рисунчатом окне,
Опаленном палевым закатом
День ушёл каким-то виноватым,
Будто неисполненным вполне.
День с утра не ладился, из рук
Падало, валилось и ломалось...
Наваждение это продолжалось
До угрюмых сумерек и вдруг
Засмотрелся, выйдя на балкон,
На простое уличное действие,
Будто на единственное место,
Где железно действовал закон:

Слаженно включался автомат
Светофора, в миг определенный
Загорался красный и зеленый,
Желтый - между ними в аккурат.
Легковушки с четырёх сторон
Перемигиваясь, разъезжались
По своим делам, правее жались,
Уступая шедшим на обгон.
И во мне на смену трепотне
День уравнился на радость
И скопление глупых неурядиц
Разрулил без острых ДТП.

ЛЮБЛЮ

Проточно лоскутное небо.
Тревожны бродяжки пути.
И снова для жизни потребно
Весомое слово найти.

Однако же кроме восторга
От счастья на самом краю,
Из памяти выпорхнет только
Бескрайнее чувство - люблю.

Парим среди высей крылато,
Находим дорогу во тьме.
Оно было словом когда-то...
И светом осталось во мне.

ТАЯНЬЕ

Становясь невольно лишним,
Снег не лезет на рожон,
Блеском плавленным насыщен
Вялым ветром увлажнен.

Затенён в распадках, стужей
Дышит с грустью ледяной,
Испаряясь между лужей
И всклокоченной травой.

Снег остатный перед маем
С отпечатками подошв
И моим воспоминаньем
Раздробит случайный дождь,

Растолчёт, но я не внемлю
Этой малой из потерь -
В путь-дорогу мне, а медлю
За собой захлопнуть дверь.

Даль надеждами не брезжит.
Как ни горько сознавать,
Здесь ничто меня не держит
И не хочет удержать.

Нетронут кедровник еще, не истоптан,
Задорно сучки под ногами хрустят.
Выходят сморчки в одиночку и скопом
На солнце в бараньих папах до пят.

А дождь в предсказуемо необъяснимых
Порывах, озёрный дробя пересверк,
В обнимку с тобой попадая на снимок,
Пленяет своим жизнелюбием всех.

Друг друга не слыша от разноголосья,
Внимая лесам, восхищенно молчим,
Покуда соцветья не вызреют в гроздья,
И звёзды в пустые не вселятся гнезда,
И можно расстаться без всяких причин.

МАЙ И МАЙЯ

Черемуха в зелёных узелках
С зародышами будущих соцветий
Мелькнула в отдаленных зеркалах
Едва окно открылось у соседей.

И птицы разразились, и размяк
Суровый май - его играет свита,
Преподнося действительное как
Желаемое, разницы не видя.

В ликующем нашествии сошлись
Листва и комары, трава и черви...
И кажется почти безумьем жизнь
И, верится, заметил я не первый.

Соседка отрешённо просквозит
В окне и зеркалах, не сознавая,
Что мой ли, мая изумлённый вид
От имени, услышанного - Майя.

Мне между ними впору загадать
Желание, но что бы там ни вышло,
По улицам пошла благоухать
Черемуха торжественно и пышно.

УЗЕЛ

Забрызганы звездами стёкла.
Тьма тьмущая настороже.
Подушка от слёз не просохла,
А ты нас забыла уже.

Чего в тебе больше – обиды,
Протеста ли, позы? И вот -
Отъезд, избавленье от свиты,
От наших тревог и забот.

Проснёшься наутро, где внове
И город, и день, и судьба.
Есть даже в не сказанном слове
Стыд сказанного сглупа.

Поропщем немного, и всё же
Оставим больное в былом.
А что пересилить не сможем,
Отрежем, до завтра отложим...
А утром завяжем узлом.

СТАРШОЙ

Ты старше лет своих,
Наш дорогой товарищ,
Что тяжело для двоих -
Один упрямо тащишь.
Добро своей сумы
Ни от кого не прячешь.
Над чем хохочем мы -
Ты втихомолку плачешь.

Когда в ночных пирах
За картами по пьяни
Продулись в пух и прах
И вывернув карманы,
Стоим перед тобой
Грешны и виноваты
С понурой головой
И провалиться рады -

Как странно обведешь
Нас грустными глазами
Как будто что-то ждёшь,
А что, не знаем сами.
И дело не в деньгах
И не в похмелье тоже.
-Ну, не молчи ты так!
Так, что мороз по коже!

СЕЛО

Безлисты и бесснежны
Деревья на холме.
И ангельски безгрешны
Раздумья о зиме.

Встаёт, дымки пуская
Под облако, село.
Откуда-то из рая
Снег сыплется светло.

И каждому отраднo,
Что перед ними вьявь
Склоняется галантно
Колодезный журавль.

НА РАСПУТЬЕ

Когда ты застрял на распутье,
Как в горле отчаянный рык,
Во-первых, не бойся, рискуя,
Свернуть не туда; во-вторых,
Когда в передрыгах сердечных
Тебя оттолкнут – отвяжись! -
Поверь, на земле бесконечна
Во все свои стороны жизнь.

Нас травили свободой и водкой,
И речами, что хлеще мечей.
Почему же с молитвою кроткой
Ты жива среди светлых церквей?
Нет ни мщенья в тебе, ни обиды
Лишь от боли пронзительней лик.
И тобой сокровенно любимы
И дитя, и пропащий старик.
Я опять создаю и рушу
В сердце вечную нашу страну.
Но понять, но принять её в душу,
Как начать и закончить войну.

СУТЬ ИСКУССТВА

Капиллярная графика марта
Перепуталась с маятой.
Суть искусства,
по мнению Сартра,
За дозволенного чертой.
Может так, но случается грустно
Прочитать и за этой чертой
Недалекое от искусства
И далекое от жизни самой.

Ты ломишься по ночам
Нервным порывом снега.
Сам двери открою, а там -
Нет ничего кроме неба.

Мучить берёшься, тоской
Душу неволить снова.
Как ни пытай - за душой
Нет ничего кроме слова.

Упрёшься: можно одним
Словом исправить много...
Но, веришь ли, и за ним
Нет ничего кроме Бога.

Проливная оттепель с утра
Истончить до ветхости готова
Зиму, до пронзительного слова,
Под которым почва и судьба.

Почему-то снится без вранья,
Воровства и хамства наше время.
Дело не в особенностях зренья -
Видеть звезды вместо воронья.

Видеть, что созвучно твоему
Представленью о добре и долге.
И помочь отставшему в дороге,
И спасти кричащего в дыму...

Выбор есть у каждого из нас.
Выбирая сердцем, неизменно
Замечаешь в жизни перемены
Не всегда заметные для глаз.

Ибо не в признании, а в любви
Ремесла старинного основа,
До того пронзительного слова
На судьбе, на правде, на крови.

ЧУДО

Ещё в такой досаде не был,
Бог на людей, угрюм и хмур,
Что даже закурил и пепел
В окно рассеянно смахнул.

А на земле за шаг до боя
Бойцы задрали каски вверх,
В июне с неба голубого
Посыпался горячий снег.

И наш связист за миг до боя
Пока был день слепяще бел
Через пристреленное поле
С катушкой проползти успел.

И снайпер вражеский минуту
В прицеле протирал стекло,
Кружился снег - так это чудо
На фронте деду жизнь спасло.

В ПОЕЗДЕ

Только заснёшь на семи-
Восьмидесятой странице,
Ливень настигнет в Перми
И до Тюмени продлится.
Молнийно-ливневый гром
Смажет по окнам с размаху.
Горько вздохнул о родном -
Лопнули швы на рубахе.
Наспех, надёжно вполне,
Краем схватил на живушку...
Сунул роман под подушку.
Будет что видеть во сне.

Множились в стеклах огни,
Брызнув, вдали пропадали.
В полночь тревожней они
И бесприютней печали.
Вот бы застрять где-нибудь
Утром в туманных завесах,
Чтобы направленный вглубь
Свет прослоил перелесок,
Чтобы с подножки сойти,
Ахнув, пропасть в травостое.
Чтобы толкнулось в груди
Сердце об землю - родное.

Не заводи манто с перчатками.
Ты не заметишь не могла,
Как сыновья твои волчатами
Прицельно смотрят из угла
На тех веселых, обаятельных
С конфетами и коньяком...
Таких в начале обязательных,
Таких презрительных потом.

СОСЕДКИ

С высоких каблуков сойдя,
Не слыша майского дождя,
Две вдовушки-соседки
Наливку пьют в беседке.
Одна поёт, другая пляшет...
А дождь...
Дождь за обеих плачет.

ЕДИНСТВО

Избегай толпы, идущей мимо
К давке и толчкам под колесо.
Как ни монолитно и лавинно,
Многолюдье на одно лицо,
Как в растиражированной маске,
В общем устремлении сердца...
В одноцветно выровненной массе -
Ни чужого, ни знакомого лица.

Когда у власти доллар с евро,
А на подхвате рубль,
В любую справедливость вера
Обречена на убыль,
Тогда призывы о защите
Достоинства и чести
Нелепы, как в лесном затишье
Брейкдансовые песни.

ПРИВЫЧКА

Сяду задом наперёд
В тесной электричке.
За окном коптит завод
Небо по привычке.
Пригляжусь к его дымку,
И за сигаретой.
Разлучиться не могу
Сам с привычкой этой.
Вянут в поле васильки,
Душит кашель с кровью,
А дымим всё, как враги
Своему здоровью.

ЧЕРЕДА ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

Какое дерево сухое!
В самом себе настороже,
Пока стоит – оно живое.
Упало – мёртвое уже.

Листва свежа и ароматна
Настолько, что не по себе
От запаха дезодоранта
У встречной пары на тропе.

Перешёл из осеннего леса
В серый быт невесёлый,
Как атлет полусреднего веса
Сразу в полутяжёлый.

От безделья до безденежья
Только шаг, и я давно
Ставил, никуда не денешься,
Между ними знак «равно».

Из листьев осенних к зиме
На самом верху уцелел
Один - все рванули к земле,
А он к небесам захотел.

В МАРШРУТКЕ

Март отчетливо графичен.
В колеях толченый лёд.
Время в городе синичьем
Задавать вопросы в лоб.

Опоздал бы на маршрутку,
Мы б не встретились и вот
Мне, робеющему жутко,
Ты заглядываешь в рот.

То да сё, Басё да Ницше,
Сплетни, слухи и т.п.
Сколько всё-таки хранится
Бестолковщины в тебе.

Светит в небе ватно-сером
Лампочка на сорок ватт.
Вместе с наледью и снегом
Сходит в городе асфальт.

Нас трясёт так на ухабах
Бесшабашный тарантас,
Что в руках моих неслабых
Раскрошился карандаш.

Не морока и не радость
Наша встреча, но опять
Не судьба тебе свой адрес
На ладошке записать.

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Сползая с крыш,
Крошась с черемух,
Отслаиваясь со стволов,
Вчерашний снег в зелёных кронах
Застряв, разнуниться готов.
Пойдём отряхивать сентябрь,
Увиливая от прямых
Вопросов: как продлить хотя бы
На час прощание, на миг..
Не оттого ль, что только врию
Зима на грани светлых слёз,
Ты и капризна, и ревнива,
Но напоказ и не всерьёз.
Я принимаю, понимаю
Твое смятенье по глазам
Перед прощаньем, и прощаю
Все выходки твои, я сам
Ищу ещё остаться повод.
Ты думаешь, я сделал вид,
Что брошенный снежок за ворот,
Совсем не жжёт и не студит?

Отвыкаю от зеркал,
От примет, любовь сулящих,
От застолий наповал
И глядений в телящик,
Что показывать привык
Попугаев говорящих,
Позабывших свой язык.

Только волей дорожу
Выбирать: слова по сроку,
Милую по шалашу,
Где не рай со мной, ей-богу,
Поговорке вопреки,
По созвездию – дорогу,
По дороге – сапоги...

Всего понемногу - и солнца с востока,
И серой крупы с юго-запада
Пока на маршрутку бежал в полшестого,
Тащился из города затемно.

Пока на прохожих досаду копила
Листва золотая и медная,
Прикидывал, зимняя грусть накатила
Уже или всё еще летняя?

Ушли вхолостую к тебе эсэмэски
И похолодало до минуса.
От свиста под форткой твоей занавески
Сомкнутся, желая раздвинуться.

И рад провалиться от скуки при фразе:
Любовь моя - боль во спасение!
И легче порвать одним словом всё сразу,
Чем верить в её воскресение.

В ДОМЕ

Дождь повис и скоро в доме
На отраду паукам
В тихом комнатном объёме
Сядет сумрак по углам.

Соберется пыль в межрамье
С комарьём в пуховый ком.
Жизнь продолжит замиранье
В муравейнике людском.

Дождь растянёт забыванье
Золотых и синих дней
Под скупое забиванье
Мелких кровельных гвоздей.

Прячась за многоэтажьем,
Будем зиму поджидать.
Дров наколем, свитер свяжем.
Чему быть – не миновать.

ЖИТЕЙСКОЕ

Пока не схвачена карандашом,
Не стала словом старая обида,
Былое наше в доме перерыто,
Отобрано и стало багажом.

Из крана каплет и ржавеет нож,
Доломана фарфоровая кружка,
И говорим уже не то, что нужно
Через губу, волнение и дрожь.

И холодно, и горестно вдвойне,
Когда за дверью весело и жарко.
Когда же станет нас обоих жалко
Счастливой паре с фото на стене?

Но разум нас обходит стороной
И по углам глаза угрюмо прячет,
Решая, кто не вынесет, заплачет,
Тот возвратит порядок мировой.

БЕЛАЯ ТЬМА

Теплом утяжелённый иней
Обвёл ребристой бахромой
Пейзаж берёзово-рябинный
С витиеватостью сквозной.

Но скоро натащило к ночи
Набитых под завязку туч.
Стал город нем и обесточен,
И в тесноте своей гнетущ.

Едва мы, побродив кругами,
Свернули в переулок твой,
Зима обрушилась меж нами
Непроходимой тишиной.

Дверь запахнулась виновато.
И потеряв обратный след,
За мотыльками снегопада
Лечу, лечу на божий свет.

Лечу и нет конца и края
Лоскутно падающей тьме...
Из электрического рая
Ты помаши ладошкой мне.

ГРЕЙДЕР

Завалило хвойник облаками -
Лапами не может шевельнуть.
Грейдер прошлифовывает камни,
На звезду выравнивая путь.

Через город к федеральной трассе
Встали на полдневный передых
«Мерсы», «Форды», «Опели» и «Газик»
Затесался – свой среди чужих.

Растолкав сугробы, к автостраде
Выведет их грейдер. А потом
Смотрит, как втекает автостадо
В долгий в обе стороны поток.

С перепончатых веток свисая,
Снегопад распластался в саду.
Как по правилам чистописанья
След с особым нажимом веду.
И звучит в полусумраке тихом
Хруст бумаги и скрип перьевой -
Шаг к ещё не прочитанным книгам
Шаг к еще не написанным мной.
Будет след продолжаться и длиться,
Станет жизнью моей и судьбой
Озаряемый чистой страницей
И созвездьем над первой строкой.

НАВАЖДЕНИЕ

В канун ледостава лесная река
Студёной светла глубиною,
Течёт ли, раздвинув в себя берега,
Стоит ли, сомкнув над собою...

Я к ней за сырую чащобную жуть,
Травой порыжелой увитой,
Спешу в небеса до зимы заглянуть,
И, может, себя в них увидеть.

И, может, мне память речная назад
Вернёт отражения наших
Свиданий с веселой знакомою над
Протокой и птицами в чащах?

Пожухла осока у дряхлого пня,
Листвой завалило кострище...
И чувство такое, что кроме меня
Тут кто-то еще что-то ищет.

И кажется, листья везде раскидав,
Вот-вот и случится, наверно, -
Черёмуха схватит меня за рукав,
Окликнет по имени верба...

АКВАРЕЛЬ

До звона изысканно зноен
В сосновых подтёках припёк.
Из брошенных в юности зёрен
Опять прорастает восторг.

На солнце линяли и слепли,
Лучились почти без теней
Сухие пшеничные стебли
Пучком акварельных кистей.

Темнеют в зелёных затишьях
Под томным наплывом леса.
И синего неба излишек
В озера стекает с листа.

Я коллеге не без зависти
Удивляюсь - с рюкзаком
Около пудовой тяжести
По болоту прямиком
Вышел, не теряя бодрости,
К речке - клёв не прозевать...
А еще его способности
Где придётся засыпать.

И хотя на вид по облику
На спортсмена не похож,
Неудобства ему по боку,
И по барабану дождь.
Ловит, где течение сузило
Закоряженную глубь.
Оборвет - заместо грузила
Продырявит старый рупь.

Что бы ни было с погодюю,
Спать не ляжет без ухи.
Сам готовит, сам с охотою
Предлагает нам куски.
Мы сидим и хвалим весело
Славный дух из котелка.
А над нами небо с месяцем -
С узкой лодкою река.

ЛАНДЫШИ

Возник за листьями раскосыми
Зелёный стебель оробелый
С фарфоровыми колокольцами
И ароматом ночи белой.

Я помню, связанные нитками
Пучки их у метро утрами.
Бренчали семечки с монетками.
И пахло мятыми рублями.

Ну, ладно, ладно, ладно же
Раз в год тебе, не так и часто,
Нарву букет любимых ландышей,
Но только ты умри от счастья.

МОДА

Дотаскали серые, в полоску,
В клеточку и даже в чёрт-те что,
Брюки, перешитые по росту,
По фигуре - грузные пальто.

Старые, и не было им сносу,
Штопок и заплат не перечесть.
Всяк из нас берег рубаху снову,
Как своё достоинство и честь.

И сегодня на прилавках разных
Ценим в нашей моде как всегда
Яркое роскошество - на праздник,
Скромную надёжность - для труда.

СТАРИК

Жил да был на пенсию,
На грибах с картошкой,
На частушке с песнею
И в ладах с гармошкой.
Дом к зиме подтапливал,
Щи готовил с квашеной,
После вьюг откапывал
Путь к зазнобе крашеной...

Жил да был без оханья,
В срок счета оплачивал,
В местной речке окуня
Кошкам нарыбачивал,
По бруснику хаживал.
И рубашки с брюками
За детьми донашивал,
А теперь - за внуками.

ЦАП-ЦАРАП

Не в лесу, не в чистом поле
Дом стоит с другими в ряд.
В нём живёт в тепле и холе
Кот по кличке Цап-царап.

Дашь ему кусочек рыбы,
Кот без церемоний - цап,
Вместо ласки и «спасибо»
По руке твоей - царап.

Он мышей не ловит, просто
Нет мышей у нас в доме
Кроме тех, что сами в гости
Ходят к нашему коту.

Как начнут шальные звери
Прятки, жмурки - шум и вой!
Хоть беги в лесные дебри
Через выход запасной.

Вот задал же кот задачу:
Как ужиться с ним в доме?
Кто бы взял его, в придачу
Я б мышей отдал тому.

Он хороший, пощекочешь
За ушами – кот и рад.
Но когда удрать захочешь
Кот за ногу - цап-царап!

МАЛЫШ

Суматошен снег в большом
Воздухе, а ляжет - ровен.
Внук языческим божком
Замер в шапочке по брови,

Собирает хлопья в горсть
И смеётся тихо, словно
Спрятать в горстке удалось
От меня смешное слово.

А какое? - Что в горсти? -
Показать малыш не хочет.
Разожмёт, заглянет и
Заразительно хохочет.

ХОРОШ!

С сыном не пришлось,
Зато со внуком
Пропадает на реке лесной
Дед,
Следит с пристрастьем и испугом
За его промашкою любой.
И блестит натянутая леска
И кричит обрадованный внук,
Если неожиданно и резко
Поплавок ко дну потащит вдруг.
Сколько визга,
Смеха и восторга! -
На крючке трепещет первый ёрш.
И улов с крючка снимая ловко
Дед похвалит рыбака:
«Хорош!»

ДОСАДА

Июнь дождём порадовал
И пузырями в луже.
Тропу, как ни утаптывал
Вчера, размыло тут же.

К тому же опрометчиво
Надеясь на погоду,
И, пропуская встречного,
Сам остутился в воду.

Теперь кроссовки чавкают.
И по дороге дачной
Кого не повстречайкают
Обчавкивают смачно.

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Преображенным от дождя
Восстал в радушной дрожи
Июнь и кончилась вражда
Меж тьмой и светом божьим.
И ворон, что ночи черней,
Явился на мгновенье
В прицеле утренних лучей
В жар-птичьем оперенье.
И я под облаком сквозным
Себя внезапно вижу
Не по сутемьюму седым,
По солнечному рыжим.

Закатом пристальность дана.
Открылось перед поворотом -
Дома похожи на тома,
Раскрытые вверх переплётом.

И в каждом свой немудреной
Сюжет от плача до веселья,
Свой Дед Мазай и домовой,
Свой Ванька Жуков и Емеля,

И свой юродивый, и свой
Святой без пятака в кармане.
И ель с рождественской звездой.
И крест на православном храме.

СОДЕРЖАНИЕ

Медовая тяжесть осеннего слова...	4
И холод чист, и холст нетронут...	5
Пёстрый до кутерьмы...	6
Вьюга.....	7
Со-единение.....	8
Ожидание.....	9
Лучами блестяще пострижен...	10
Вместе.....	11
Разорвав рубаху в клочья...	12
Спички.....	13
Оттепель.....	14
Остров.....	15
Речная мелодия.....	16
Сгущается рябинный воздух...	17
Сушь.....	18
Радуга.....	19
Обнова.....	20
Изба.....	21
Тени.....	22
Старик у больничного окна.....	23
В безлистую пору предзимья...	24
Возвращение.....	25
Черёмуховый сумрак пенист...	26
Пляшет осень в городе...	27
Зародыши яблок...	28
Ливень.....	29
За гаражами.....	30
Перед морозом.....	31
Приполярное.....	32

Красота.....	33
Ау-у-ух!.....	34
Как буйно поднялся бурьян... ..	35
От листьев перетёртых... ..	36
Другой берег.....	37
Сестры-погодки... ..	38
Погружение в сон... ..	39
Счастье.....	40
Племянники.....	41
Хлеб.....	42
Дорожная сумка.....	43
Попутчица.....	44
Сквозь время.....	45
Третий лишний.....	46
Перволетье.....	47
Лето начинается со снега... ..	48
В июле... ..	49
Белая малина.....	50
Капля.....	51
Бурелом.....	52
На омуте.....	53
Тяжки гроздя на рябине... ..	55
Свет проточен в зеркалах... ..	56
Огородное	57
Август ржавеет с изнанки... ..	58
Сыро в октябре и без дождей... ..	59
Угол.....	60
Предвесеннее.....	61
Апрель... ..	62
С ангелом	63
Резаная, комканая зелень... ..	64

Портрет.....	65
Между снегом и дождём... ..	66
Зима изношена... ..	67
От зимы ещё остались... ..	67
Затянутый маршрут.....	68
Перекрёсток.....	69
Люблю.....	70
Таянье.....	71
Нетронут кедровник ещё... ..	72
Май и Майя.....	74
Узел.....	74
Старшой.....	75
Село.....	76
На распутье.....	77
Нас травили свободой... ..	77
Суть искусства.....	78
Ты ломишься по ночам... ..	78
Проливная оттепель... ..	79
Чудо.....	80
В поезде.....	81
Не заводи манто с перчатками... ..	82
Соседки.....	83
Единство.....	83
Когда у власти доллар... ..	84
Привычка.....	85
Череда четверостиший.....	86
В маршрутке.....	87
Снег в сентябре.....	88
Отвыкаю от зеркал... ..	89
Всего понемногу... ..	90
В доме.....	91

Житейское.....	92
Белая тьма.....	93
Грейдер.....	94
С перепончатых веток свисая... ..	95
Наваждение.....	96
Акварель.....	97
Я коллеге не без зависти... ..	98
Ландыши.....	99
Мода.....	100
Старик.....	101
Цап-царап.....	102
Малыш.....	103
Хорош!.....	104
Досада.....	105
Солнцестояние.....	106
Закатом пристальность дана... ..	107

ВЛАДИМИР ВОЛКОВЕЦ

Время
пересыпанное
солнцем

Стихи

Компьютерная верстка: Д. Трифонов

Подписано в печать: 27.05.2024
Бумага ВХИ. Гарнитура Minion Pro, Georgia, Cuprum.
Формат 120x180. Тираж 100 экз. Заказ № 465

Отпечатано в ООО «Печатный мир».
628242, г. Советский, ул. 50 лет Пионерии 11 «В».
тел/факс: 8 (34675) 3-22-09
email: pm_sov@bk.ru

